

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Душа Лилит

Магистраль. Главный тренд

Мария Корелли

Душа Лилит

«ЭКСМО»

1893

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Корелли М.

Душа Лилит / М. Корелли — «Эксмо», 1893 — (Магистраль.
Главный тренд)

ISBN 978-5-04-252923-8

Впервые на русском, от автора «Скорби сатаны». Лондон конца XIX века. Эль-Раами, ученый необычайного дарования и скептик, одержим дерзкой целью: доказать, что душа существует независимо от тела, и проникнуть в тайны мироздания. Ради этого он проводит в своем доме невероятный и страшный опыт — удерживает на границе жизни и смерти душу умершей девочки Лилит, заключенную в тело, которому суждено было стать прахом. Шесть лет длится этот поединок человеческой воли с божественным законом. Лилит открывает эль-Раами тайны иных миров, но вместе с тем становится живым напоминанием о том, что знание без смирения ведет к гибели. Эль-Раами заплатит горькую цену, пройдя путь к вере. Готическая атмосфера, мистический сюжет и напряженное философское противостояние делают «Душу Лилит» одним из самых необычных романов Марии Корелли.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-252923-8

© Корелли М., 1893

© Эксмо, 1893

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	12
III	16
IV	20
V	24
VI	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Корелли Душа Лилит

Maria Corelli
The Soul of Lilith
1892

Перевод с английского *Ольги Акопян*

Школа перевода
В. Баканова

Литературный редактор *Марина Стрелетова*

© Акопян О., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Нечеловечью кровь струили ее вены,
Но облик был ей дан прелестной девы.
Данте Габриэль Россетти¹*

¹ Д. Г. Россетти (1828–1882) – английский поэт и художник, яркий представитель Братства прерафаэлитов. Отрывок из поэмы «Райская обитель» (англ. Eden Bower. Перевод О. Акопян. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика).

Предисловие

Изложенная ниже история не претендует на то, чтобы считаться «романом» в общепринятом смысле слова. Это лишь описание необычайного и дерзкого эксперимента, имевшего место в действительности, которое предлагается вниманию тех, кто питает интерес к незримым «возможностям» Иного мира. Перед вами эпизод из жизни человека, добровольно пожертвовавшего всей мирской славой ради выдающейся попытки доказать очевидно Недоказуемое.

I

Театр был полон – от партера до самых верхних ярусов; огни приглушили, дабы как следует выделить сцену, и зрители, теснившиеся в партере, амфитеатре и на всех балконах вплоть до галерки, с интересом или равнодушно (в зависимости от того, что наиболее соответствовало их нраву и воспитанию) внимали самому известному монологу Гамлета «Быть или не быть». В тот вечер публике впервые представили новую постановку вечно непостижимой пьесы Шекспира. Главную роль исполнял поистине великий актер (хоть критиканы и не желали этого признать) – он переосмыслил странный и сложный внутренний мир датчанина так, что даже безразличная, обыкновенно полная апатии публика в партере, без сомнения, пересмотревшая «Гамлета» сотню раз, тотчас пробудилась от привычной дремоты и взглянула на сцену с некоторым вниманием. Знакомые строки звучали медленно, с глубокой, вдумчивой интонацией, какую нечасто встретишь в современном театре. Этот новый Гамлет мастерски владел языком тела; вместо ходьбы по сцене, а точнее, расхаживания с напыщенным видом во время произнесения монолога, он молча сел и на мгновение будто погрузился в раздумья, а затем, не меняя позы, заговорил. И чем ярче сияла торжественная красота бессмертных строк, тем больше проникновенности чувствовалось в его голосе.

«...Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка...»²

В зале воцарилась полная тишина. В этот краткий миг, до того как актер успел продолжить монолог, в зрительный зал бесшумно вошел мужчина и уселся на свободное кресло во втором ряду партера. В сторону этого господина инстинктивно повернулись несколько голов, но окружающий полумрак не позволял различить его черты, а зазвучавший голос Гамлета вновь приковал к себе всеобщее внимание.

«...Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех,
От долгих отлагательств».

Далее последовал душераздирающий диалог с Офелией, который от начала до конца был сыгран с такой замечательной силой и чувством, что вызвал настоящий шквал аплодисментов.

² У. Шекспир. «Гамлет». (Здесь и далее перевод Б. Пастернака.)

Но вот опустился занавес, вспыхнул свет, снова заиграл оркестр, и пытливые взгляды вновь обратились к недавно появившемуся в партере господину, который бесшумно возник посреди великого философского монолога. Тотчас выяснилось, что это персона, весьма достойная внимания, и незнакомца принялись рассматривать, хотя, казалось, он и не подозревал, какое возбуждает любопытство. И все же выглядел этот господин столь необыкновенно, что даже вызвал некоторый интерес у лондонских модников, выдавших самых эксцентричных личностей – мужчин и женщин, эстетов и обывателей. Внешность и манера держаться так явно отличала его от простого люда, что громкий шепот непосредственной юной американки: «Я бы отдала все на свете, лишь бы узнать, кто этот мужчина!» – был почти простителен, учитывая обстоятельства. Кожа у незнакомца была смуглая, как у мулата, но гладкая, а сквозь ее оливковый тон проступал здоровый румянец, сообщаемый теплой кровью. Черные глаза его едва виднелись из-под невероятно длинных и густых темных ресниц. Изящный, слегка презрительный изгиб верхней губы отчасти скрывали черные усы; но если лицо этого господина отличалось темными и черными цветами, то копна волос, росших у него, по всей видимости, в необычайном изобилии, была совершенно белая. Да не просто серебристо-белая, а чисто белая, словно мытая шерсть или только что выпавший снег. Глядя на этого господина, нельзя было определить, молод он или стар – ибо, хоть на лице его не виднелось ни морщин, ни иных разрушительных следов неумолимого Времени, черты его несли на себе печать такой суровой и глубокой сосредоточенности, каковой едва ли обладают те, кто еще не расстался с юностью. Впрочем, казалось, до старости ему весьма далеко – а потому, в силу всего упомянутого, господин этот являл собой загадку и для сидевших рядом в партере, и для некоторых красавиц в ложах, которые рассматривали его в бинокли так неприкрыто, что он мог бы смутиться, если бы взглянул вверх. Но незнакомец не глядел вверх; откинувшись на спинку кресла, он внимательно изучал программу спектакля, но полуприкрытые веки и вялые взмахи ресниц придавали его лицу сонное выражение. Непосредственной юной американке было уж не до «Гамлета» – она настолько увлеклась разглядыванием этого господина, что не слышала возмущенного шепота своей благопристойной матери, сидевшей рядом. Наконец, словно почувствовав пристальный взгляд или досаду на него, незнакомец поднял глаза и посмотрел прямо на американку. Она невольно отпрянула назад и потупила взор. За всю свою беззаботную и праздную короткую жизнь она не видела таких горящих, сверкающих, угольно-черных глаз – от этого взгляда у девушки, как она впоследствии уверяла, «по коже побежали мурашки». Американка вздрогнула, плотнее запахнула атласную накидку и больше на незнакомца не смотрела. Вскоре и он отвернулся от нее и обратил свой взор на сцену, где разворачивался знаменитый эпизод «Гамлета» с театральным представлением, ставший для главного актера полным триумфом. Когда занавес вновь опустился, сидевший в третьем ряду партера красивый молодой человек с внешностью светского бездельника потянулся вперед и тронул седовласого господина за плечо:

– Мой дорогой эль-Рами! Вы здесь? В театре? Но как? Я и не подозревал, что вы способны предаваться такому легкомысленному занятию.

– Вы находите «Гамлета» легкомысленным?

Седой господин поднялся для приветствия. Он оказался среднего роста, однако благодаря необычайно величественной осанке выглядел выше, чем был на самом деле.

– Вовсе нет! – Молодой человек широко зевнул. – Честно говоря, я нахожу его нестерпимо скучным.

– Неужели? – слегка улыбнулся господин, к которому обратились как к эль-Рами. – Ну разумеется, вы придерживаетесь взглядов своего поколения. Вы, несомненно, предпочли бы бурлеск?

– Сказать по чести, да! И сейчас, задумавшись об этом, даже не знаю, зачем я сюда пришел. Я намеревался заглянуть в «Эмпайр» – там дают новое представление, – но приятель в клубе вручил мне билет сюда, заявил, что сегодня премьера и все такое прочее...

– Так уж распорядилась за вас судьба, – размеренно проговорил эль-Рами. – И вместо того, чтобы любоваться в «Эмпайр» на хорошеньких полуголых девиц, вы оказываетесь здесь и не можете взять в толк, почему, черт возьми, Гамлет, принц датский, не нашел ничего лучше, чем выслушивать призрака своего отца! Так и есть! Но вы очутились тут не напрасно, друг мой. – И он добавил доверительным шепотом: – Взгляните! Вон там, присмотритесь к ней хорошенько, сидит ваша будущая супруга.

Едва заметным кивком головы эль-Рами указал на ту самую американку и продолжил:

– Да, прелестное создание с темными локонами, в розовом наряде. Вы с ней не знакомы? Разумеется, нет. Скоро познакомитесь. Ее вам представят сегодня же вечером, до того, как вы покинете театр. Не изумляйтесь, в ней нет ничего сверхъестественного, уверяю вас! Это всего лишь мисс Честер, единственная дочь Джебеза Честера, новоявленного миллионера из Нью-Йорка. Очаровательно невежественная, восхитительно бестолковая, но сказочно богатая юная особа. Не пройдет и месяца, как вы сделаете ей предложение, и вам ответят согласием. Отличная партия для вас, Воган: все ваши долги будут уплачены, а все затруднения улажены с помощью доверенных евреев-кредиторов. Ничего лучше и быть не может, право слово! И запомните, первым поздравляю вас я!

Седой господин говорил быстро и уверенно, с непринужденной улыбкой, а молодой человек таращился на него с изумлением и почти со страхом.

– Боже милостивый, эль-Рами! – взволнованно пробормотал Воган. – Это уже слишком. Весьма занимательно разыгрывать из себя пророка, но всему есть предел.

– Прошу прощения! – Эль-Рами сел в кресло. – Спектакль продолжается. Как бы нестерпимо скучен ни был «Гамлет», мы обязаны уделить ему толику внимания.

С трудом изобразив в ответ беспечную улыбку, Воган вяло опустился в кресло, но вид у него был раздосадованный и озадаченный. Он переводил взгляд с седого затылка эль-Рами на едва видимый профиль дочки американского миллионера, которую ему так хладнокровно и уверенно прочили в жены.

«Не имею ни малейшего представления, кто эта девица, – раздраженно думал Воган. – И знать ее не желаю. Собственно говоря, я и не сведу с ней знакомство. А если так, то, пожалуй, действительно ее не узнаю. Даже эль-Рами говорит, что воля – это все. Он вечно так чертовски уверен в своих пророчествах! Надо бы мне хоть раз его посрамить и доказать, что он ошибся».

Так размышлял Воган, едва ли следуя за развитием великой пьесы Шекспира, пока под конец сцены похорон Офелии не заметил, как эль-Рами поднялся с кресла, собираясь покинуть зрительный зал. Молодой человек тотчас вскочил на ноги.

– Уже уходите? – спросил Воган.

– Да. Мне нет дела ни до кончины Гамлета, ни до кого бы то ни было в этой пьесе. Мне не нравится ее скомканный кровавый финал. Это лишено художественного вкуса.

– Шекспир лишен художественного вкуса? – улыбнулся Воган.

– А что, порой да. Он был человеком, а не Богом. Ни одно творение рук человеческих не безупречно. Шекспир, как и все люди, совершал промахи, и с его великой гениальностью он был бы первым, кто их признал. Никогда не ошибается лишь посредственность. Вы тоже уходите?

– Да. Я намерен подмочить вашу репутацию пророка и во что бы то ни стало уклониться от знакомства с мисс Честер сегодня вечером! – ответил Воган.

Воган говорил со смехом, однако эль-Рами молчал. Мужчины вышли в вестибюль, где им пришлось несколько минут дожидаться пальто и шляп, так как гардеробщик, имевший слабость к горячительным напиткам, отлучился в ближайший бар.

Воган воспользовался вынужденной заминкой и закурил сигару.

– Ну и как вам спектакль? – небрежно поинтересовался он.

– Превосходно, – ответил эль-Рами. – Тот, кто играл Гамлета, – настоящий талант, он тонко чувствует нюансы роли. Но все остальные – жалкие статисты, а потому сцены, где его нет, откровенно слабы. Вот она, ахиллесова пята «звездного» подхода – подхода, который решительно губит сценическое искусство. Впрочем, неважно, как сыгран «Гамлет», – эту пьесу всегда интересно смотреть. Даже такая, странно противоречивая, она впечатляет.

– Противоречивая? И в чем же? – спросил Воган, пуская кольца дыма и с нетерпением прикидывая, сколько еще намерен отсутствовать на своем посту гардеробщик.

– О, во многом. Вероятно, самое вопиющее противоречие всего замысла проявляется во время великого монолога «Быть или не быть».

– В самом деле? – Вогану стало интересно. – Но мне казалось, это одна из лучших частей пьесы.

– Так и есть. Я сейчас не говорю о самих словах, они восхитительны, но об их связи с характером Гамлета. Почему он рассуждает о «стране, откуда ни один не возвращался», если у него есть, или он думает, что есть, неопровержимое доказательство возвращения его отца в виде призрака? И все его переживания связаны лишь с этим? Неужели вы не видите здесь противоречия?

– Разумеется. Но мне это никогда не приходило в голову, – изумленно глядя на собеседника, вымолвил Воган. – Уверен, никто, кроме вас, до этого не додумывался. И впрямь странно: Гамлет действительно произносит «ни один не возвращался» – и делает это после того, как увидел призрака.

– Именно! – воодушевляясь, продолжил эль-Рами. – Кроме того, Гамлет говорит о «неизвестности после смерти», как будто это лишь «неизвестность», а не реальность. Хотя, если он принимает за истину слова своего отца, которого называет «духом, вполне достойным веры», сомнений в этом вопросе быть не может. Разве не скорбный призрак произносит эти слова:

«Мне не дано
Касаться тайн моей тюрьмы. А то бы
От слов легчайших повести моей
Зашлась душа твоя и кровь застыла,
Глаза, как звезды, вышли из орбит
И кудри отделились друг от друга,
Поднявши дыбом каждый волосок...»?

– Господь всемогущий! Эль-Рами, не смотрите на меня так! – с беспокойством воскликнул Воган, отпатываясь от неистово горящих глаз и сосредоточенного лица собеседника, который произнес эти строки с необычайной страстью и торжественностью.

Эль-Рами расхохотался.

– Я вас напугал? Я слишком увлекся? Прошу прощения! Воистину «вечность – звук не для земных ушей»! Однако «страна, откуда ни один не возвращался» была для несчастного духа чрезвычайно тягостной реальностью, и Гамлет об этом знал, когда говорил о ней лишь как о «неизвестности». Таким образом, повторяю, он был непоследователен, а точнее, у Шекспира вышло нелогично.

– Из вас вышел бы превосходный актер! – восхищенно глядя на эль-Рами, признался Воган. – Вы сейчас так говорили, будто... право слово, будто по-настоящему.

– А это и было по-настоящему. На миг! – весело откликнулся эль-Рами. – «Гамлет» для меня – весьма увлекательное произведение; так, вероятно, будет и для вас, когда вы достигнете моего возраста.

– Вашего возраста? – Воган пожал плечами. – Хотел бы я его знать! Ведь это для всех загадка. Вам может быть тридцать или сто – кто знает?

– Или двести? Или даже триста? – с едва заметной иронией продолжил эль-Рами. – Зачем скупиться, пытаясь отмерить безграничное время? Ага, а вот и наш плут!

В боковую дверь как ни в чем не бывало вошел гардеробщик – так, словно сделал исключительно благое дело, заставив двух джентльменов ждать, пока он соизволит появиться.

– Давайте заберем наши пальто, – добавил эль-Рами, – и очутимся подальше отсюда прежде, чем свершится приговор Судьбы, сделав вас обладателем вожаемого приза Честеров. Как восхитительно перехитрить Провидение – если только это вообще возможно!

В его черных глазах сверкнуло любопытство. Воган замер, не надев до конца пальто, и посмотрел на эль-Рами с сомнением и тревогой.

В следующий миг послышался радостный возглас:

– Надо же, да это Воган! Фредди Воган! Вот удача!

Из зрительного зала в фойе выплыл крупный привлекательный мужчина лет тридцати с небольшим в сопровождении двух дам.

– Послушай, Воган, ты-то мне и нужен! Нам пришлось бросить Гамлета посреди боя, потому что мы отправляемся на бал. Ты с нами? И позволь мне представить тебе моих друзей: миссис Джебез Честер, мисс Айдина Честер – сэр Фредерик Воган.

На краткий миг Воган застыл как громом пораженный, но вскоре овладел собой и машинально поклонился. Знакомство с Честерами произошло благодаря неожиданному вмешательству лорда Мелторпа, кузена Вогана, которому наш герой был обязан слишком многим, чтобы обидеть проявлением хоть мимолетного пренебрежения. Когда обмен положенными приветствиями был завершен, Воган незаметно обернулся, с суеверным страхом выискивая глазами того, кто с такой уверенностью предрек ему эту встречу. Однако эль-Рами уже исчез. Он ушел тихо, не прощаясь, как только увидел, что его слова исполнились.

II

– А что за джентльмен вас только что покинул? – спросила мисс Честер, с прелестной улыбкой заглядывая Вогану в глаза. Она приняла предложенную Воганом руку, и он повел девушку к ее экипажу. – Такой благородный и пугающий господин!

Воган улыбнулся этому описанию.

– Внешность у него, несомненно, весьма своеобразная, – начал было он, но в разговор вмешался лорд Мелторп:

– Ты об эль-Рами? Ведь это был эль-Рами? Ах, я так и подумал. Интересно, почему он от нас улизнул? Жаль, не остался хотя бы на минуту. Уж очень любопытный человек.

– А кто он такой? – не унималась мисс Честер.

Она с удовольствием устроилась в своей роскошной карете рядом с матерью, а напротив сидели двое титулованных господ, что как нельзя лучше соответствовало чаяниям ее души.

– Какие вы оба скучные! Вы про него совсем не рассказываете, лишь твердите, что он «любопытный». Это, разумеется, видно. Люди с такими белыми волосами и черными глазами всегда любопытны, вы не находите?

– Не вижу для этого оснований, – с сомнением в голосе ответил лорд Мелторп. – Только представьте, что за страшилища альбиносы со своими белыми волосами и розовыми глазами.

– Только, пожалуйста, не уходите в сторону от предмета разговора, рассуждая про альбиносов, – со смешком попросила мисс Честер. – Иначе я так ничего и не узнаю про этого господина. Не правда ли, у него довольно необычное имя. Разумеется, восточное?

– О да! Он чистокровный уроженец Востока. – Лорд Мелторп взял бразды беседы в свои руки, втайне дивясь, отчего кузен Воган в столь явно молчаливом настроении. – Причем восточный человек самого старинного сорта, не то что нынешние индусы – сплошные жулики и пройдохи. Правда, когда он прибыл с Востока и зачем, вряд ли кто-нибудь смог бы вам сказать. Я виделся с ним в свете лишь дважды или трижды, но каждый раз он умудрялся привести публику в полнейшее замешательство и восторг. К примеру, моя жена имеет о нем самое положительное мнение: всякий раз зовет к нам на приемы, но он очень редко появляется. Его полное имя эль-Рами Заранос, однако, полагаю, он больше известен как эль-Рами.

– А каков род его деятельности? – поинтересовалась мисс Честер. – Он актер? Знаменитый писатель?

– Насколько мне известно, ни то ни другое. Признаться, ни его занятие, ни образ жизни мне неведомы. Эль-Рами всегда виделся мне неким чародеем – кем-то вроде частного иллюзиониста.

– Боже правый! – воскликнула дородная миссис Честер, пробуждаясь от дремоты и пытаясь вникнуть в предмет беседы. – Он показывает салонные фокусы?

– Нет, он не показывает фокусы, – слегка изумленно возразил лорд Мелторп. – Он вовсе не такой человек. Боюсь, я ввел вас в заблуждение. Я имел в виду, что эль-Рами может поведать вам необычайные вещи о вашем прошлом и будущем.

– О, по руке. Разумеется, я такое знаю! – кивнула хорошенькая Айдина. – Хиромантия – ужасно занятная штука. Я и сама умею гадать по руке!

– Неужели? – снисходительно улыбнулся лорд Мелторп и добавил: – Но дело в том, что эль-Рами не гадает по руке. Он все видит по глазам, по фигуре и движениям человека. И не берет за это денег. Но он действительно порой довольно диковинным образом предсказывает события.

– Это уж точно! – подтвердил Воган, просыпаясь от забытья и всматриваясь в изящные обворожительные черты девушки, сидящей напротив. – Некоторые его пророчества весьма примечательны.

– Надо же! Просто восхитительно! – обрадовалась мисс Честер, которая, разумеется, тотчас заметила пристальный изучающий взгляд сэра Фредерика, но сделала вид, будто поглощена застегиванием перчатки. – Я намерена узнать у него, какая судьба припасена мне! Без сомнения, что-нибудь ужасное! Не правда ли, у этого господина пугающие глаза? Красивые, но пугающие! В театре он так на меня посмотрел...

– Дорогая, сначала на него посмотрела ты, – вмешалась миссис Честер.

– Да, но я уверена, что от моего взгляда его не пробрало до мурашек. Зато когда он уставился на меня, я почувствовала себя так, будто по моей спине медленно льется ледяная вода. Мне было ужасно страшно! Мама, застегни, пожалуйста!

И она протянула матери руку в упрямо не желавшей застегиваться перчатке, но Воган быстро вставил:

– Позвольте мне!

– Что ж! Если вы знаете, как сладить с пуговицей, которая вот-вот оторвется! – рассмеялась мисс Честер, и на ее фарфоровой коже заиграл румянец.

– Я попробую, – с должным смирением ответил Воган. – И если преуспею, пообещайте мне сегодня пару танцев!

– С удовольствием!

– Так ты поедешь на бал? – обрадованно спросил лорд Мелторп. – Вот и хорошо. Знаешь, Фред, ты сегодня настолько витаешь в облаках, что не ответил ни «да», ни «нет», когда я звал тебя с нами.

– Разве? Мне ужасно жаль! – спохватился Воган и, застегнув изящным движением перчатку, добавил с улыбкой: – Пожалуйста, отнесите мою неучтивость и рассеянность на счет мистического влияния эль-Рами. Не могу вообразить иной причины.

Все беззаботно расхохотались, как могут смеяться по пустякам праздные люди, и экипаж помчал компанию дальше к месту назначения – величественному зданию на Квинс-гейт³, где в честь некоего иностранного высокопоставленного вельможи, которому вздумалось поглядеть, как развлекаются в Лондоне в течение сезона, было устроено пышное увеселение. Иностранец слышал, что в знаменитой столице Англии царит мрак и нищета, дамы неприступны, а свести близкое знакомство с мужчинами едва ли возможно; и все эти заблуждения надлежало выбросить из высокородной головы, чего бы это просвещение ни стоило высшему свету, который взял на себя труд спасти гостя от варварского невежества.

А в это время герой рассказа лорда Мелторпа, эль-Рами, или эль-Рами Заранос, как его называли соотечественники, молча шел домой тем решительным, скорым, но не суетливым шагом, который часто выдает вольного сына края пустынь и едва ли присущ городскому жителю. Стоял нежный майский вечер. Погода была необычайно ясная и теплая. Чистые небеса не омрачали ни дымка, ни облака, а звезды светили так ярко, будто раскинувшийся под их пристальным взором город был улыбчивой феей Флоренцией, а не мрачным великаном Лондоном. Время от времени взгляд эль-Рами устремлялся к сияющему поясу Ориона, который сверкал в вышине во всем великолепии, которое редко увидишь сквозь лондонский туман; эль-Рами был глубоко погружен в раздумья, и многочисленные, снующие по улицам прохожие не беспокоили его ни в малейшей степени. Он двигался сквозь толпу спокойно и не торопясь, словно существовал только он один, а остальные были лишь тенями.

«Что за глупцы в большинстве своем люди! – размышлял он. – Как просто их одурачить и как же они рады быть одураченными! Как этот юный болван Воган изумился моему предсказанию о его женитьбе! Будто так сложно предсказать, что если к двум прибавить два, то неизбежно получится четыре! Если рассматривать характеры людей, словно числа, то со временем непременно придешь к их общей сумме. Рассчитать матримониальные перспективы Вогана

³ Квинс-гейт – улица в престижном лондонском районе Южный Кенсингтон.

было куда как просто! Вот набор чисел, которые я использовал: позавчера я услышал, как лорд Мелторп говорил, что намерен женить своего кузена Вогана на мисс Честер – дочери Джебеза Честера из Нью-Йорка. Несколько минут спустя в комнату вошла сама мисс Честер, и я увидел, что собой представляет эта юная особа. Сегодня вечером в театре я увидел ее снова. В ложе напротив, в самой глубине, в густой тени я сумел различить лорда Мелторпа. Юный Воган – человек, как мне известно, настолько слабохарактерный, что им может помыкать любой, у кого воля сильнее, – сидел прямо позади меня. И вот я перехожу к скромной сумме. Дано: лорд Мелторп, с решимостью, которая скорее напоминает напор дикого кабана, нежели человека; Фредерик Воган, напрочь лишенный решимости; и юная мисс Честер, страстно жаждущая обзавестись английским титулом, пусть даже баронетским. В итоге мы определенно получаем брак. Что было *неопределенно*, так это вероятность встречи всех их сегодня вечером; однако все они находились в одном месте, и я рассчитал эту вероятность как дробное число – при складывании характеров всегда выходит дробный остаток; он отражает вклад Провидения, или Судьбы, который всегда должно учитывать. Я рискнул и выиграл. В подобных случаях я всякий раз выигрываю – в этих смехотворных арифметических пустяках, которые принимаются за пророческие изречения людьми, не желающими думать своей головой. Боже правый! Какой же чудовищный гнет вопиющего невежества и самодурства тащит на себе эта бедная планета с тех самых пор, как была брошена в космическое пространство! Громадный! Безмерный! И ради какой цели? Ради какого развития? Ради чего, в конце концов?»

Эль-Рами на миг остановился. Он прошел по Стрэнду, затем вдоль Пикадилли и почти достиг Гайд-парка. Он вынул карманные часы и взглянул на циферблат – близилась полночь. В следующий миг кто-то сильно ударил его в спину и попытался выхватить из руки часы, но вдруг громко вскрикнул и замер на месте.

Эль-Рами медленно повернулся и оглядел вора.

– Итак, друг мой? – любезно заговорил эль-Рами. – Зачем вы это сделали?

Парень в замешательстве оглядывался по сторонам, но не смог выдавить из себя ни слова: его рука так и застыла в вытянутом положении, а пальцы судорожно стискивали золотые часы.

– Советую вернуть мне мою вещицу, – с холодной улыбкой продолжил эль-Рами и, шагнув к злоумышленнику, разогнул сжатые пальцы по одному, взял часы и убрал в свой карман.

В тот же миг рука вора безвольно повисла вдоль туловища, но он по-прежнему стоял на месте, неистово дрожа, словно от внезапной лихорадки.

– Уверяю, этот предмет доставил бы вам массу неудобств. С краденым сплошная морока. Кажется, вы слегка обескуражены? Ах, вы испытали легкое потрясение, не более того. Полагаю, вам доводилось слышать об электрических скаках? Видите ли, в наш научный век встречаются и люди, которые могут ударить электричеством. И я один из них. В наши дни следует быть осторожнее, когда до кого-нибудь дотрагиваешься. Скоро вам станет лучше – не волнуйтесь!

Эль-Рами говорил добродушно, рассматривая вора с большим любопытством, словно редкого жука или лягушку.

Лицо несчастного парня задергалось, и, сделав умоляющий жест, он прохрипел:

– Вы не сдадите меня полиции? Я умираю с голоду.

– Ничего подобного! – решительно возразил эль-Рами. – Не лгите, друг мой; это большая ошибка, как и воровство. И то и другое обернется для вас сплошными неприятностями, а избегать неприятностей – главная цель современной жизни. Вы вовсе не голодаете – вы упитанны, как откормленный кролик.

Ловким движением эль-Рами задрал широкий рукав вора, обнажив под ним сильную, мускулистую руку.

– Да вы сегодня отведали мяса больше, чем я бы осилил за целую неделю! Все с вами будет в порядке. Вы профессиональный вор... скажем, некий адвокат? Только вместо того, чтобы вежливо отстаивать свое право на жизнь посредством бумаги и пера, вы грубо заявля-

ете о нем, украв часы. Поступок весьма прямолинейный, но не культурный, и при нынешних нравах не окупается, поверьте. Впрочем, я вас утомил! Вам уже лучше? Тогда всего хорошего!

Эль-Рами намеревался продолжить свой путь, но пришедший в себя грубиян быстро шагнул к нему.

– Я хотел сбить вас с ног! – начал парень.

– Знаю, – спокойно ответил эль-Рами. – Желаете попробовать снова?

В глазах парня читалась смесь изумления и страха.

– Тут вот какое дело, – продолжил вор. – Только вы достали часы, а они давай сверкать да переливаться...

– И вас соблазнил этот блеск, – завершил за него эль-Рами. – Понятно. Мне не следовало их доставать, признаю. Но когда я достал часы, вам не следовало ими соблазняться. Мы оба дали маху. Так давайте же впредь постараемся быть мудрее. Прощайте!

– Черт меня побери, вот ведь странный тип, да еще и жуткий! – вырвалось у парня. Он не на шутку перепугался и все еще не отошел от пережитого потрясения. – Будь я проклят, если это не самый чудной на свете тип!

Но «самый чудной на свете тип» не слышал ни слова из этих замечаний. Он перешел на другую сторону улицы и продолжил неспешную прогулку, подхватив нить прерванных размышлений, будто ничего не произошло.

– Глупцы! Все глупцы! – бормотал эль-Рами. – Воры грабят, убийцы лишают жизни, рабочие трудятся в поте лица, все мужчины и женщины вождедеют, живут и умирают – ради какой цели? Ради какого развития? Ради чего, в конце концов? Разрушения новой жизни? Ради рая или ада? Мудрости или блажи? Доброты или жестокости? Бога или дьявола? Чего же именно? Если бы я это постиг, то стал бы мудрым, а до тех пор я такой же глупец. Глупец среди глупцов, одураченный Судьбой. Я разгадаю Ее тайну, покорю Ее и брошу Ей вызов!

Он остановился и с долгим, глубоким вдохом снова обратил взор к звездам. Губы эль-Рами беззвучно двигались, словно он произносил про себя какую-то клятву или молитву. Затем он пошел быстрее и больше не останавливался, пока не достиг места назначения – тихого старомодного квартала неподалеку от Слоун-стрит. Он приблизился к скромному домику на две квартиры, стоящему в ряд с похожими зданиями. Единственное, что выделяло его жилище среди остальных, – тяжелая дубовая дверь со старинным орнаментом, которая легко открылась, когда эль-Рами повернул в замке ключ, а потом закрылась за ним, не произведя ни малейшего шума.

III

В тесной прихожей тускло горела красная лампа. Ее лучей было достаточно как раз для того, чтобы разглядеть деревянный крючок, на который эль-Рами набрасывал пальто и шляпу. Едва избавившись от верхней одежды, он выключил и этот слабый источник света. Затем открыл боковую дверь и вошел в свою комнату – колоритное помещение, вытянувшееся по всей длине дома, с востока на запад. По всей видимости, здесь некогда располагались гостиная и столовая, разделенные распашными дверями. Но от дверей избавились, и теперь в проеме висела тяжелая шелковая ткань янтарного цвета. Этот шелк, вероятно, был редкого и дорогого изготовления: эль-Рами включил большой электрический светильник-цветок, свисавший с потолка на затейливых серебряных цепочках и соединенный тонким шнуром с настольной лампой, и на шелковой ткани, словно россыпь бриллиантовой крошки, заиграли серебристые отсветы. В комнате не было ничего особенно красивого или ценного. И все же, несмотря на отсутствие роскошных предметов, здесь ощущался дух роскоши. Кресла в комнате стояли самые обычные – все, за исключением одного: изысканно вырезанного из черного дерева и украшенного подушками красного и янтарного цвета. Стол из простой крашеной сосны был накрыт темной шерстяной тканью, расшитой золотыми нитями. Сверху лежало несколько геометрических инструментов, рядом виднелись два больших глобуса, а вдоль стены – полка с оружием для фехтования и большой шкаф, до отказа заполненный книгами. В углу стояло пианино из черного дерева, а на маленьком приставном столике громоздился тяжелый дубовый сундук с латунной окантовкой и двойным замком. Обстановку завершала простая солдатская койка. Сейчас она была частично сложена и почти целиком скрыта под небрежно брошенной медвежьей шкурой.

Устроившись в большом резном кресле из черного дерева, эль-Рами разбирал стопку писем, лежащих на рабочем столе. Кто только ему не писал – принцы, политики, дипломаты, финансисты и люди искусства. Узнав почерк на некоторых конвертах, эль-Рами хмурился и отбрасывал их, не вскрывая.

– Пусть подождут, – тихо проговорил он. – Любопытно: человеку решительно невозможно быть незаурядным без того, чтобы не собрать вокруг себя кучку самых заурядных умов, слетающихся, словно мухи на мед. Кто бы поверил, что я, едва ли обласканный земными благами и живущий довольно скромно, окажусь, помимо всякого моего желания, на короткой ноге с королями? Буду в курсе новейших правительственных мер еще до того, как их предадут общественной огласке? Стану хранителем секретов милорда и миледи, да так, чтобы ни один не ведал про другого, и смогу потешаться над их пустячными супружескими разногласиями, словно эти люди – марионетки, играющие роли в кукольном спектакле? Я не прошу их доверять мне свои тайны, я не хочу, чтобы они меня искали, но «по-прежнему я слышу крик: “Идут!”»⁴ – а свойства моей натуры таковы, что я, как магнит, притягиваю, и потому нет мне покоя. Впрочем, быть может, это и к лучшему. Мне необходимо внешнее отвлечение, ибо мой разум, словно натянутый до предела лук, сосредоточен лишь на центре мишени – на Главной Тайне – и в конце концов может не выдержать. Но нет! Теперь неудача исключена! Закаленный против любви, ненависти и прочих земных страстей человеческих, я должен преуспеть – и я преуспею!

Эль-Рами подпер голову рукой и вдруг о чем-то крепко задумался: его глаза расширились и ярко засверкали, будто в их глубине взметнулись искры пламени. Но не просидел он так и пары минут, как дверь осторожно открылась и красивый юноша, одетый на восточный манер в просторную белую рубаху и жилетку, молча замер на пороге, словно в ожидании приказа.

– Итак, Фераз, ты услышал мой призыв? – ласково спросил эль-Рами.

⁴ Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет».

– Я услышал голос брата, – ответил Фераз низким певучим голосом, в котором звучали завораживающие чужеземные интонации. – Сквозь пелену облаков и безмолвия его любимый голос стал музыкой для моих ушей. Он позвал, и я явился.

С легким вздохом Фераз скрестил руки на груди и замер, будто прекрасная статуя, в которую по мановению волшебства вдохнули жизнь. Чертами он походил на эль-Рами, но кожа была белее, а глаза – мягче и по-женски красивы. Тугие завитки черных как смоль волос ниспадали на лоб, а тело, стройное как кипарис, являло совершенный образец силы и изящества. Но сейчас юноша казался странно отрешенным: его глаза, хоть и пристально устремленные на лицо эль-Рами, были словно у лунатика – столь же широко распахнутые и стеклянные. А когда он говорил, то рассеянно улыбался, будто слышал где-то вдалеке прекрасное пение.

Пару минут эль-Рами изучающе смотрел на Фераза, а затем, оторвав от юноши взгляд, тряхнул изящный серебряный колокольчик, стоявший рядом на столе. В тишине резко прозвучал звонок.

– Фераз!

Фераз вздрогнул, протер глаза и кинулся к брату с совершенно другим выражением лица: теперь черты юноши ожили, в них читалась пылкая радость, и это делало его красоту еще ярче, а его самого – поистине достойным восхищения живописца или скульптора.

– Эль-Рами! Наконец-то! Как вы поздно! Я очень долго ждал вас, а потом уснул. Простите! Но, полагаю, вы призвали меня как обычно? И я не подвел? Ах, нет! Я бы все равно явился, даже с того света!

Фераз опустил на колено и с почтением прижался губами к руке эль-Рами.

– Где вы были весь вечер? – продолжил юноша. – Я так скучал. В доме стало очень тихо. Эль-Рами нежно потрепал брата по кудрям.

– Ты бы мог наполнить тишину звуками лютни и своего голоса, Фераз, если бы пожелал, – сказал он. – Что касается меня, то я ходил в театр на «Гамлета».

– О, зачем же вы туда пошли? – порывисто воскликнул Фераз. – Я не стал бы смотреть эту пьесу! Ни за что на свете! Такую поэзию нельзя осквернять, произнося вслух устами актеров! Ее лучше читать, обдумывать, чувствовать! И тогда ее получится *увидеть* – вот самое лучшее!

– Ты говоришь как поэт! – снисходительно заметил эль-Рами. – Ты еще юн и рассуждаешь в силу своего возраста. Кстати, ты приготовил мне ужин?

Фераз с улыбкой вышел из комнаты и через пару минут вернулся, держа поднос с изысканно сервированными закусками, который поставил перед братом с уважением и покорностью вышколенного слуги, прислуживающего хозяину.

– Ты ужинал? – спросил эль-Рами, наливая вина из изящного итальянского графина.

Фераз с кивком произнес:

– Да. Со мной ужинала Зароба. Но сегодня вечером она была не в духе – не промолвила и слова.

– Вот уж необычно! – улыбнулся эль-Рами.

Фераз продолжил:

– Сюда приходило много людей. Все хотели вас видеть. Они оставили свои визитные карточки. Некоторые спрашивали, как меня зовут и кто я. Я отвечал, что я ваш слуга, но они мне не верили. Среди посетителей были и важные господа: они приезжали на больших каретах с гарцующими лошадьми. Вы посмотрели их карточки?

– Нет.

– Ах, какой вы безразличный! – весело воскликнул Фераз.

В его взгляде еще сохранялась некоторая затуманенность и отрешенность, но он уже говорил с мальчишеской бойкостью, которая больше соответствовала его годам. Феразу не было и двадцати.

– Вы так корпите над великими идеями, что совершенно не замечаете малого. А все эти герцоги и графы, которые наносят вам визиты, себя-то уж маленькими людьми не назовут!

– И все же многие из них – самые ничтожные среди маленьких людей. – В размеренном голосе эль-Рами послышалась едва заметная насмешка. – Носители славных исторических фамилий, которые они едва ли не презирают, эти люди делают все, чтобы очернить память о своем древнем роде низменными страстями, грубыми вкусами и чванством, а также недостатком истинного ума. Не стоит о них и говорить. Английская аристократия некогда была великим древом, но теперь его могучие ветви опали – распилены и превращены в годную для продажи древесину. Все, что осталось, – это гниющий старый пенек. Так что, Зароба не сказала тебе вечером ни единого словечка?

– Ни единого. Зароба была очень подавлена. Велела передать вам, что все хорошо. Обычный ее ответ, но я его не понимаю. Что должно быть «хорошо» или «плохо»? Вы никогда не открываете своих тайн.

Фераз говорил с улыбкой, однако в его красивых глазах светился живой интерес. Казалось, он бы задал еще вопросы, если б только посмел.

Эль-Рами словно бы не замечал обращенного к нему вопрошающего взгляда.

– Расскажи о себе, – попросил он. – Ты сегодня заглядывал в Страну грез?

– Я был там, когда вы призвали меня, – быстро ответил Фераз. – Я увидел Родину, ее деревья и цветы. Я слышал плеск фонтанов и журчание ручьев. Там сейчас собирают урожай. Я слышал, как пели жнецы, когда несли домой снопы.

Брат окинул его долгим удивленным взглядом.

– Как сильна твоя вера! – воскликнул эль-Рами с оттенком зависти в голосе. – Ты полагаешь, будто это твоя Родина. Но это лишь мысль – мысль, порожденная видениями.

– Разве может лишь призрачная мысль вызвать любовь и тоску? – пылко возразил Фераз. – О нет, эль-Рами! Не может! Я *знаю* страну, которую столь часто вижу, погружаясь в то, что вы именуете «грезами». Мне знакомы ее горы. Люди, которых я вижу, – мои соотечественники. Да! Меня там помнят. Как и вас. Мы жили там однажды и вернемся вновь! Ведь это и ваш дом тоже – яркая далекая звезда, где нет смерти, а есть лишь сон. Почему мы были изгнаны из нашего рая, эль-Рами? Может ли ваша мудрость дать ответ?

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь, – резко ответил эль-Рами. – Я уже сказал тебе, ты говоришь как поэт. Люди более суровые добавили бы: как безумец. Ты вообразил, будто был рожден, или появился на свет, на другой планете, жил там, но был изгнан оттуда неким загадочным роком и обречен существовать здесь в человеческом обличье. Повторяю, Фераз, это лишь твоя фантазия – плод двойной жизни, которую ты ведешь, причем не по моей воле или наущению. Я верю лишь в то, что доказуемо. А то, что ты говоришь, – за гранью всяких доказательств.

– А все-таки, – глубокомысленно заметил Фераз, – хоть это и не постичь разумом, я все равно уверен в том, что чувствую. Мои «грезы» реальнее, чем сама жизнь. А что до моих любимых соотечественников, клянусь, я слышал, как они поют на празднике урожая.

Быстро шагнув к пианино, он открыл крышку и заиграл. Эль-Рами безмолвно откинулся на спинку кресла в глубокой задумчивости: неужели обыкновенному клавишному инструменту под силу издавать столь чарующие звуки? Существует ли на свете музыкальное произведение, которое при прослушивании способно породить такую божественную и сладкозвучную гармонию? В этой мелодии не было ничего земного – казалось, она скользит из-под пальцев музыканта, словно ласковое дуновение ветерка. Из уст эль-Рами вырвался невольный вздох, услышав который Фераз с улыбкой обернулся.

– Разве вам не знакома эта мелодия? – спросил он. – Неужели вы не видите их, прекрасных, легких и гибких станом, идущих через поля домой в лучах низко висящего в западном небе багряного диска? Ведь вы же помните? Помните?

Легкая дрожь пробежала по телу эль-Рами. Он прижал пальцы к глазам и, казалось, неимоверным усилием овладел собой. Затем, подойдя к пианино, взял в руки ладони младшего брата и прижал к своей груди.

– Береги свои иллюзии, – дрогнувшим голосом тихо произнес эль-Рами. – Береги их. И свою веру. Твоя доля – мечтать, а моя – доказывать. Моя участь труднее. Быть может, в твоих грезах таится истина, а в моих доказательствах – обман. Это ведомо лишь Господу! Не был бы ты моим единокровным братом и самым дорогим для меня человеком на свете, мне как любому ученому, стоящему этого звания, следовало бы оборвать крылья, на которых устремляется в полет твоя фантазия, и превратить тебя в обычного червя, ползающего по земле, какими мы все и сотворены. Но я не могу. У меня не поднимается рука. А если б даже и поднялась... у меня нет такой власти. Спокойной ночи!

Не удостоив брата больше ни словом, ни взглядом. Эль-Рами решительно вышел из комнаты. И юный прекрасный Фераз смотрел ему вслед с сомнением и затаенной печалью. Стоит ли обретать такую мудрость, размышлял он, если мудрость порой делает человека несчастным? Правильно ли жертвовать Верой ради Факта, если Вера согревает, а от Факта веет холодом? Что лучше – мечтать о вероятном или воплощать реальное? И что в итоге реальный факт? А что – лишь вероятность? Фераз задумался над этой задачей – она вносила разлад в гармонию его ума и лишала покоя. Впрочем, скоро он отогнал от себя неприятную мысль и, закрыв пианино, оглядел комнату, дабы убедиться, что старшему брату сегодня вечером больше не потребуется никаких услуг. А затем удалился, чтобы вновь уйти в мир своих грез – и, быть может, присоединиться к хору «соотечественников», поющих на звезде, которую он считал своей родиной.

IV

Тем временем эль-Рами не спеша поднялся по лестнице на второй этаж и замер на узкой площадке, прислушиваясь. В доме стояла полная тишина. Сладостная, нездешняя «песнь урожая» смолкла, хотя в ушах эль-Рами, казалось, еще звучали отголоски этой мелодии – словно аромат, оставшийся от пронесенных мимо цветов. И с этим смутным ощущением он вслушивался в глубокое безмолвие. Эль-Рами стоял, устремив пристальный взор на закрытую дверь напротив. Дверь, которая, если бы ее сняли с петель и выставили в музей, могла бы получить первое место за совершенство росписи. Художник превратил дверное полотно в изящную шпалеру, увитую бледными розами и пурпурными страстоцветами. На верхней половине, среди цветов, сидел купидон, задумчиво прижимающий бутон к пухлым губам, а под ним, распростершись в отчаянии на изогнутой ветви, его брат-близнец оплакивал, словно ребенка, печальную судьбу мертвой бабочки, которая лежала на его пухлой розовой ладошке. Эль-Рами так долго и пристально смотрел на чудесную картину, что можно было подумать, будто он видит ее впервые и от восхищения не в силах оторвать глаз, однако на самом деле он едва ли ее замечал. Мысль эль-Рами проникала за пределы нарисованных подобий прекрасного, и, как и в случае с его младшим братом Феразом, безмолвный призыв в самом скором времени был услышан. В замке повернулся ключ, дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая пожилая женщина: со смуглой морщинистой кожей и черными глазами, некрасивая, но при этом величественная.

– Входи, эль-Рами! – негромким скрипучим голосом произнесла она. – Час уже поздний, но разве ночное время когда-нибудь останавливало твою непреклонную волю? Клянусь Богом, как же тяжело, что мне редко доводится провести ночь в покое!

Эль-Рами равнодушно улыбнулся, однако ничего не ответил, ибо спорить с Заробой, которая была совершенно глуха, не имело смысла. Старуха провела эль-Рами в небольшую прихожую, где из мебели имелись лишь стол и стул, а одна стена была целиком занавешена великолепной портьерой из пурпурного бархата с золотой каймой. На столе лежала грифельная дощечка и кусок мела, которые эль-Рами тотчас взял в руки.

«Были ли сегодня какие-нибудь изменения?» – вывел он.

Зароба прочла написанные на доске слова:

– Нет.

«Она не двигалась?»

– Даже пальцем не пошевелила.

Эль-Рами помедлил, не выпуская мела, а потом написал: «Ты не в духе. На тебя опять нашло мрачное настроение».

Глаза Заробы сверкнули, и она воздела тощие руки в гневном жесте.

– Мрачное настроение! Да! – почти вскричала она. – Даже если так, что тебе до моего настроения, эль-Рами? Я для тебя ничто, рабыня – разве нет? Что значат мысли глупой старухи, которая сгорбилась от прожитых лет и стоит у темных врат могилы, для того, кто возмнил себя воплощением мудрости? Какое дело до чувств жалкого существа из смертной плоти и крови самовлюбленному богу, бросившему вызов самой Природе, – эль-Рами Зараносу! – горько засмеялась Зароба. – Не обращайтесь на меня внимания, великий Повелитель незримых судеб! Властелин мыслей человеческих! Не обращайтесь внимания на «мрачное настроение» Заробы, как вы его называете! У Заробы нет крыльев, чтобы парить, она стара и немощна, и сердце ее болит от тяжести непролитых слез. Она бы довольствовалась этой простой землей, по которой ступала бы без страха. Она бы радовалась простым вещам. Но ей в этом отказано, и ее участь подобна участи многих достойных женщин – сидеть в одиночестве среди пепла минувших дней и чувствовать себя покинутой!

Старуха таким же резким движением опустила руки. Эль-Раами окинул ее слегка насмешливым взглядом и снова написал на дощечке: «Мне казалось, тебе нравится твоя обязанность?»

Зароба прочла вопрос и гордо выпрямилась, исполненная такого же достоинства, как и сам эль-Раами.

– Разве можно полюбить статую? – требовательно спросила она. – Стану ли я ласкать картину? Стану ли покрывать слезами или поцелуями ничтожное подобие жизни, которое не живо? Стану ли гладить руку, которая никогда не ответит на мое прикосновение? Любовь! Любовь живет в моем сердце, да! Словно огонь, запертый в гробнице. Но ключ от нее в твоих руках, эль-Раами, а огонь без воздуха угасает.

Он пожал плечами и отложил мелок, не написав больше ни слова. Шагнув к пурпурной портюре, которой была задрапирована одна из стен комнаты, эль-Раами сделал повелительный жест рукой. Зароба тотчас механически повиновалась, потянула за маленький блок, и ткань, висевшая многочисленными мягкими складками, бесшумно раздвинулась в стороны, открыв взору помещение столь удивительное, полное такого изысканного очарования, что в первый миг оно могло бы показаться призрачным видением.

Комната была высокой и идеально круглой, стены от пола до потолка закрыты драпировками из темно-фиолетового шелка, сплошь расшитого затейливыми золотыми арабесками. Тот же дорогой материал был подхвачен от краев потолка к середине, как драпировка павильона или шатра, и украшен золотой бахромой и кистями. В центре этого пышного яркого убранства висел золотой светильник со стеклянным абажуром янтарного цвета, а под ним лежал пушистый ковер с узором из бледно-сиреневых анютиных глазок на темно-пурпурном фоне. Кажется, в этой комнате были собраны образцы всего красивого, редкого и дорогого: от искусно вырезанной из слоновой кости статуэтки Психеи до высокой вазы из венецианского стекла, служившей изящным обрамлением для большого букета изумительных роз, словно рожденных в разгар лета, хотя за окном едва вступила в свои права переменчивая английская весна. И вся эта красота, все изящество, все предметы искусства, все свидетельства безупречного вкуса, заботы и предусмотрительности были собраны вокруг одного центра – одного невидящего, безмолвного центра – фигуры спящей девушки.

На высокой, по-королевски роскошной кровати, скованная глубоким сном, возлежала она – существо исключительной прелести, недвижимое, словно мрамор, и дивное, как идеал поэта. Ее изящный стан окутывала свободная туника чистейшей белизны, которая скорее подчеркивала, нежели скрывала идеальные очертания тела. На ее ноги было слегка наброшено шелковое покрывало, а голова покоилась на подушках нежнейшего белоснежного атласа. Ее необычайно маленькие белые руки были скрещены на груди поверх любопытного украшения – огромного рубина в форме звезды, который в лучах света играл бесчисленными отблесками, окрашивая кончики ее пальцев в винный цвет. А ее волосы, удивительно длинные и прекрасные, струились вдоль тела до колен сияющей золотой мантией.

Сказать, что спящая была очаровательна, – ничего не сказать, ибо очарование, которое обычно под этим подразумевается, представало в ее чертах с такой мощью и яркостью, что никакие слова не смогли бы достойно описать красоту девушки. Ее лицо обладало всем, что обычно именуют совершенством: формой идеального овала, нежными чертами, светлой полупрозрачной кожей, губами, похожими на омытые росой лепестки розы, густыми, длинными, изысканно загнутыми вверх темными ресницами на сомкнутых веках. Но не только. Было что-то еще – совершенно непостижимое, придающее всему лицу особенное сияние – будто свет, озаряющий алебастровую кожу изнутри, или тихо струящийся по венам огонь, который делал прекрасное тело лишь отражением великой красоты, заключенной внутри.

Если бы эти глаза распахнулись, как бы ярко, наверное, они засияли! Если бы эта безупречная фигура поднялась и зашевелилась, какая гармония явилась бы в наш мир в облике прекрасной девы! Впрочем, при виде этого глубокого забытья, едва различимого дыхания ста-

новилося все более очевидным, что она никогда не проснется, не ступит на землю рядом с простыми смертными. Она никогда не будет чем-то иным, чем кажется – человеческим цветком, сорванным и отложенным в сторону. Но для кого? Для любви Господа? Или для удовольствия Человека? Одно из двух? Ни то ни другое? Все вместе?

Эль-Раами в сопровождении Заробы вошел в роскошную комнату и на несколько минут безмолвно замер возле ложа. Какими бы ни были мысли эль-Раами, его лицо их не выдавало. Оно застыло, словно отлитая из бронзы маска. Зароба внимательно за ним наблюдала, на ее морщинистом лице отражалось тщательно скрываемое любопытство. Девушка пошевелилась и улыбнулась во сне – и ее лицо засияло, словно озаренное светом.

– Да, она живет ради тебя! – заметила Зароба. – И день ото дня становится все краше! Она солнце, а ты снег. Но когда приходит время, снег всегда тает. И даже тебе, эль-Раами Заранос, едва ли под силу обмануть законы Природы.

Эль-Раами обернулся к ней с яростным жестом, приказывающим замолчать, и в его облике проступило нечто пугающее. Старуха вся сжалась под его леденящим пристальным взглядом и, послушная властному взмаху его руки, отошла в дальний угол комнаты, где, усевшись на полу, взяла в руки необычный рабочий инструмент – резную треугольную рамку из черного дерева – и начала с поразительной скоростью и сноровкой продевать в нее блестящие нити. Зароба являла собой необычную картину: она сидела в своем желтом хлопковом одеянии на полу, ее жесткие седые волосы блестели в лучах света, будто шелковая пряжа, а в ее иссохших руках сверкала искусная вышивка.

Эль-Раами взглянул на ютящуюся в углу пожилую женщину и вдруг проникся к ней сочувствием. Она была стара и печальна. Бедная Зароба! Он подошел к ней и остановился рядом. Его яркие горящие глаза, казалось, вложили весь свой удивительный блеск в один долгий, пронзительный и полный сострадания взгляд. Работа выпала из рук Заробы, она заглянула в эти пылающие глаза, и ее губы тронула слабая улыбка. Хмурое выражение лица исчезло, уступив место спокойствию и умиротворению.

– Безутешная Зароба! – произнес эль-Раами, медленно поднимая руки. – Обездоленная одинокая душа. Хоть ты и глуха к мирскому шуму, да пребудут уши твоей души открыты моему голосу – и да услышишь ты всю музыку прошлого! Пусть пройденные годы вернутся к тебе, а в твоём утомленном мозгу оживут воспоминания! Ты вновь услышишь голоса твоих резвящихся детей, увидишь дикую Аравийскую пустыню, которая расстилается перед тобой в лучах солнца, словно море расплавленного золота. Высокие пальмы на фоне знойного неба. Возле родника с чистой прохладной водой разбит шатер, а твой супруг-бедуин, утомленный долгим переходом, спит, положив голову тебе на грудь. Ты снова молода, Зароба! Молода, прекрасна и любима! Будь же счастлива! Спи и отдыхай!

Он взял пожилую женщину за безвольные руки, очень медленно и плавно уложил на пол и, пододвинув ей под голову подушку, несколько мгновений всматривался в ее лицо.

– Бог ты мой! – пробормотал эль-Раами, отметив ровное дыхание и умиротворенное лицо Заробы. – Неужели сны – единственная несомненная радость в жизни? Грезы поэта, видения художника, воздушные замки детских фантазий – все сплошь мечты! И лишь таких мечтателей можно назвать счастливыми! Ни Судьба, ни Удача не в силах омрачить их радость. Они высмеивают королей, великие народы для них – лишь забава ума, – о, возвышенная дерзость Воображения! Если бы я мог так мечтать! Или, вернее, если бы я мог доказать, что мои мечты – не мечты вовсе, но отражения абсолютной Реальности! И снова Гамлет!

«...Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ».

Представить только! Умереть и *видеть сны* о Небесах – или Преисподней – и в то же время думать, что и то и другое нереально!

Еще раз посмотрев на Заробу, которая уже крепко спала, эль-Рами вновь подошел к пышной кровати и устремил пристальный взгляд на лежащую там красавицу. Затем, склонившись над ней, взял ее левую руку и сжал тонкое запястье.

– Лилит! Лилит! – тихим, но властным голосом проговорил он. – Лилит! Говори со мной! Я здесь!

V

Ответом на призыв эль-Рами было полное безмолвие. Безмолвие, которого он, казалось, ожидал и к которому был готов. Взглянув на серебряные часы над кроватью, он медленно отсчитал сто ударов, а затем, еще крепче сжав хрупкое запястье, другой рукой коснулся лба спящей девушки, чуть выше глаз. По стройному телу пробежала легкая дрожь.

Эль-Рами быстро выпрямился и снова спросил:

– Лилит! Где ты?

Прелестные губы разомкнулись, и голос, нежный, как тихая мелодия, ответил:

– Я здесь!

– Все ли у тебя благополучно?

– Все хорошо.

Улыбка озарила прекрасное лицо таким светом, что, казалось, глаза вот-вот откроются. Но нет: они по-прежнему были крепко сомкнуты.

Эль-Рами продолжил свой странный допрос:

– Лилит, что ты видишь?

На миг повисла тишина, но потом раздалась медленная речь:

– Разные вещи... Они прекрасны и удивительны. Но среди них нет тебя. Я слышу твой голос и подчиняюсь ему, но я тебя не вижу. Я никогда тебя не видела.

Эль-Рами вздохнул, сжимая ее крохотную нежную руку в своей.

– Где ты была?

– Там, куда вело мое желание, – послышался сонный, но радостный голос. – Мое желание... и твоя воля.

Эль-Рами вздрогнул, однако тотчас овладел собой: Лилит пошевелилась и томно закинула вторую руку за голову, открыв взору огромный сверкающий рубин на груди.

– Далеко-далеко! Очень далеко! – проговорила она, и ее в голосе зазвучали певучие интонации. – Очень далеко! В тех краях, куда я была отправлена. За...

Ее голос затих и перешел в сонное бормотание:

– За... Сириусом... я видела...

Она умолкла и заулыбалась – по всей видимости, какая-то радостная мысль ее отвлекла.

Немного выждав, Эль-Рами повторил ее прерванную фразу:

– Так что же ты увидела за Сириусом?

Девушка повернулась на бок, к эль-Рами, и подложила руку под щеку.

– Я видела сияющий новый мир, – более четко и связно ответила она. Величественную вселенную; неизвестную Звезду. На ней были огромные океаны, всюду раздавался шум воды, а на берегу стояли великолепные большие города. Я видела бело-золотые башни, коралловые шпили и ворота, усыпанные жемчугом. Там реяли флаги, звучала музыка, и два солнца лили с неба свои двойные лучи. Я видела тысячи людей – прекрасных и счастливых, – они пели и танцевали, вознося хвалебные молитвы под вечным светом. Они преклоняли колени посреди широких плодородных полей, дабы возблагодарить Подателя бессмертной жизни.

– Бессмертная жизнь! – повторил эль-Рами. – А разве эти люди не умирают, как мы?

Выражение муки, вызванной удивлением или горем, проступило на лице красавицы: ее брови нахмурились.

– Смерти нет. Ни здесь, ни там, – твердо сказала она. – Я так часто тебе это говорила, но ты все не веришь. И всякий раз велишь мне искать смерть. Я искала, но не могу ее найти.

Она вздохнула, и эль-Рами повторил ее вздох, словно эхо.

– Мне бы хотелось, – печально заговорила девушка, – мне бы хотелось тебя увидеть! Между нами какой-то туман. Я слышу твой голос и подчиняюсь ему, но не вижу, кто меня зовет.

Эль-Рами пропустил это тихое воркование мимо ушей, более того, он словно не замечал дивной красоты существа, погруженного в транс и находящегося в его власти. Сосредоточенный лишь на одной цели – обретении сверхъестественного знания – он казался столь же безжалостным и невосприимчивым ко всякому обаянию, как Великий инквизитор в средневековой Испании.

– Говори о себе, а не обо мне, – приказал он. – Откуда ты знаешь, что смерти нет?

– Я говорю правду. Ее нет.

– Даже здесь?

– Нигде.

– О дитя прозрения, раскрой глаза своей души! – сердито потребовал эль-Рами. – Отправляйся же вновь на поиски и найди! Зачем бы Природа вооружалась против смерти, если бы смерти не было?

– Ты слишком резок, – грустно промолвила Лилит. – Разве мне нужно говорить тебе неправду? Если бы я и захотела, то не смогла бы. Смерти нет – есть лишь метаморфоза. Там, за Сириусом, они спят.

Эль-Рами ждал, но она снова замолчала.

– Продолжай, – проговорил он. – Они спят: почему и когда?

– Когда устают, – ответила Лилит. – Когда они завершают все свои дела и нуждаются в отдыхе, то засыпают. И во сне они изменяются. Это изменение...

Ее голос оборвался.

– Это изменение называется смерть, – уверенно закончил эль-Рами. – Ибо смерть повсюду.

– Вовсе нет! – быстро сказала Лилит. И чистым, звонким голосом добавила: – Это изменение – жизнь! Ибо Жизнь повсюду!

Затем наступила тишина. Девушка отвернулась и, опустив закинутую за голову руку, вновь положила ее на грудь, поверх искрящегося рубина.

Эль-Рами наклонился к ней поближе.

– Ты гредишь, Лилит, – сказал он так, словно хотел заставить ее признать что-то против ее воли. – Ты говоришь неразумно и наугад.

По-прежнему стояла тишина.

– Лилит! Лилит! – позвал он.

Ответа не последовало. Лишь прелестный румянец на ее лице, улыбка на губах и ровное вздымание округлой груди указывало на то, что она жива.

– Ушла! – нахмурился эль-Рами.

Он уложил тонкую руку, которую держал, в прежнее положение и окинул девушку долгим внимательным взглядом.

– И как уверена она в своих суждениях! Суждениях столь же глупых, что и фантазии Фераза! Смерти нет? Увы, это все равно что сказать, будто жизни нет. Она не постигла тайну нашего ухода отсюда. Нет, хоть ее полет и достиг реальности далее Сириуса.

«...Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли».

Да – и склоняет волю, и лишает ее! Так что же, позволить сбить себя с толку? Или это моя вина, что я никак не могу поверить? Действительно ли со мной беседует ее дух, или это влияние

моего разума на ее, пребывающий в состоянии транса? И если это последнее, то почему она утверждает такие вещи, о которых я даже не помышлял и которые мой здравый смысл никогда не примет как возможные? И если это и впрямь ее Душа, ее бесплотная Сущность, которая, время от времени обретая свободу, уносится в Незримое, то почему она до сих пор не постигла Смерти или Боли? Неужели ее взору открыты лишь гармоничные миры, движущиеся под звуки радости?

Охваченный внезапным порывом, он схватил погруженную в транс девушку за руки и впери в ее умиротворенное лицо испепеляющий взгляд:

– Лилит! Лилит! Силой воли и властью над твоей жизнью приказываю тебе вернуться ко мне! О летучий дух, вечно ищущий наслаждений, открой мне тайны горя! Вернись, Лилит! Я призываю тебя – вернись!

Страшная судорога сотрясла прекрасную спящую девушку. Улыбка исчезла с ее уст, и раздался тяжкий вздох.

– Я здесь!

– Слушай мой приказ! – медленно проговорил Эль-Раами суровым, почти безжалостным голосом. – Как ты вознеслась в выси неизреченные, так низвергнись в глубочайшую бездну одиночества. Постигни и найди скорбь – проникни в самый корень страдания, объясни причину тщетных мучений! Ибо они существуют. Здесь, на этой планете, о которой тебе не ведомо ничего, кроме моего голоса, – здесь, пусть больше и нигде во всей Вселенной, мы едим хлеб в поте лица своего и пьем вино, орошая его слезами. Открой мне загадку горя, несправедливости, агонии невинного младенца на смертном одре – хоть ты и говоришь, что смерти нет! – гибели доброго человека, торжества коварной женщины, отчаяния, самоубийства – всех ужасов, нагроможденных друг на друга, из которых и состоит в этом мире жизнь! Слушай, о слишком восторженный и доверчивый Дух! У нас здесь есть легенда, что Бог живет – мудрый и любящий Бог – и Он, этот мудрый и любящий, из своей великой щедрости изобрел для своих созданий Пытку – Ад! Отыщи этот ад, Лилит! Докажи, что он есть! Объясни мне устройство его существования! Отправляйся же и принеси мне вести о силах зла. И ощути, если духи действительно могут страдать, нескончаемые страдания других! Услышь мой приказ и лети прочь, найди этот Божий Ад – так мы познаем цену Рая!

Эль-Раами говорил быстро, горячо, страстно и наконец выпустил руки спящей. Девушка издала тихий стон и вместо того, чтобы скрестить их, как раньше, на груди, сложила ладони в молитвенном жесте. Краска сошла с ее лица, но на нем проступило выражение наивысшей мудрости, спокойствия и сострадания, словно у святого, готового претерпеть муки. Ее дыхание становилось слабее и слабее, пока не стало едва различимым. Губы девушки приоткрылись, выпустив краткий прерывистый вздох, а затем еле слышно что-то прошептали.

Эль-Раами наклонился к ней поближе.

– Что? – с жаром спросил он. – Что ты сказала?

– Ничего... только... прощай. – Ее слабый голос, словно последний печальный отзвук песни, раздался в тишине: – И все же... еще раз... прощай...

Он отодвинулся и пристально посмотрел на девушку. Теперь, со сложенными в молитвенном жесте руками, такими белыми, изящными и нежными, она напоминала лежачую статую. Эль-Раами вспомнил, что машину Тела следует поддерживать в живом состоянии, если он хочет и дальше общаться через него с Духом. Вытащив из кармана небольшой пузырек и шприц, эль-Раами ввел иглу в вену на руке девушки и медленно впрыснул небольшую дозу странной мерцающей жидкости с резким сладковатым ароматом. Как только он это проделал, сложенные в молитвенном жесте руки тотчас вернулись в прежнее положение – крест-накрест поверх рубиновой звезды. Дыхание стало ровным и спокойным, губы порозовели. Эль-Раами наблюдал за происходящими изменениями с глубоким интересом и вниманием.

– Несомненно, так можно сохранять ее тело бесконечно долго, – изумленно пробормотал он. – Ткани обновлены, кровь переродилась, и вся система насыщена совершеннейшей чистотой. Ни кусочка так называемой пищи, которая содержит в себе столько органической скверны, не должно проникнуть в этот изумительно красивый механизм, испаряющий все лишнее через поры кожи столь же естественно, как цветок, источающий аромат сквозь лепестки. Чудесное открытие! Если бы о нем узнали все люди, разве не возомнили бы они себя поистине бессмертными, даже здесь? Впрочем, испытание еще не завершено. Эксперимент не идеален. Она прожила так шесть лет, но кто знает, действительно ли Смерть над ней не властна? За эти шесть лет она изменилась – из девочки выросла в девушку. Разве подобная перемена не подразумевает старение? А старение ведет к смерти, как ни сражается с ней наука. О неотвратимая Смерть! Я вырву твой секрет, даже если умру сам!

Эль-Рами отвернулся от кровати, и вдруг его осенила новая мысль.

– Я сказал: «Если умру сам»? Но разве я могу умереть? Прав ли ее Дух? Ошибочны ли мои умозаключения? Неужели нигде нет паузы? Нет прекращения работы мысли? Нет конца ненасытным устремлениям? Должны ли мы мыслить, работать и жить ВЕЧНО?

Эль-Рами содрогнулся – мысль о собственном бессмертии его ужаснула. Проходя мимо длинного зеркала в старинной серебряной раме, он увидел свое отражение: красивое смуглое лицо, кажущееся еще темнее на фоне белоснежных волос, большие черные глаза, тонкие губы, застывшие в надменной усмешке, – из зеркала на него презрительно смотрел человек, повторяя его собственный презрительный взгляд.

Он горько засмеялся.

– Вот тебе и на, эль-Рами Заранос! – проговорил он себе под нос. – Циник и ученый, знаток нескольких заурядных магнетических секретов, над которыми потешались жрецы Древнего Египта, а теперь, в наш «цивилизованный» век, этого достаточно, чтобы сделать большинство людей твоими орудиями! И что же дальше? Неужто нет покоя твоему непрестанно работающему разуму? Мыслить, жить и работать вечно? А впрочем, почему бы нет? Постигни я секреты тысячи вселенных, довольствовался бы этим? Нет! Я искал бы разгадку еще тысячи!

Напоследок эль-Рами еще раз окинул взглядом прекрасную, погруженную в транс фигуру на кровати, безмятежно спящую в уголке Заробу, всю роскошную обстановку комнаты с пурпуром и золотом, розами и украшениями из хрусталя и слоновой кости. Затем вышел и бесшумно задернул за собой бархатные портьеры. В небольшой прихожей он взял грифельную дощечку и написал на ней мелом:

«Вернись через сорок восемь часов. А пока обеспечь как можно больше солнечного света. Соблюдай строжайшую тишину и не дотрагивайся до нее. Эль-Рами».

Оставив таким образом инструкции, он спустился по лестнице в свой кабинет. Там он выключил электрический свет, бросился на свою жесткую походную кровать и тотчас крепко уснул.

VI

– Я не верю в загробную жизнь. И это меня весьма удручает.

Говорящий был полноватым, крепким господином в сутане, с красивым лицом и легкой и непринужденной манерой держать себя. Он обращался к эль-Рами, который, сидя за письменным столом, смотрел на посетителя с несколько насмешливым выражением.

– Это ваше письмо? – спросил эль-Рами, извлекая конверт из лежащей перед ним кипы корреспонденции.

Священнослужитель наклонился, чтобы взглянуть на конверт, и, узнав свой почерк, вежливо улыбнулся в знак согласия.

– Насколько я понимаю, вы преподобный Фрэнсис Эйнстер, викарий Ланекский, большой любимец епископа вашей епархии?

Почтительно поклонившись, джентльмен принял кроткий и смиренный вид.

– Вернее, я был любимцем епископа некогда, – произнес он с сожалением, – и, полагаю, остаюсь им и теперь, однако боюсь, что этот вопрос совести...

– О, так это и впрямь вопрос совести? – медленно спросил эль-Рами. – Вы уверены?

– Решительно! Эта мысль... – И преподобный Фрэнсис Эйнстер издал тяжкий вздох.

– «Так всех нас в трусов превращает мысль...»

– Прошу прощения? – изумленно глядя на эль-Рами, переспросил священник.

– Это я прошу меня простить! Я процитировал «Гамлета».

– Вот как!

В комнате повисла тишина. Эль-Рами устремил пронизывающий взор черных глаз на посетителя, которого, казалось, слегка смутило столь пристальное внимание. Это происходило наутро после описанных в предыдущей главе событий. Часы показывали без десяти полдень, стояла замечательная солнечная погода, и для переменчивого английского мая было довольно тепло.

Эль-Рами вдруг встал из-за стола и распахнул настежь ближайшее окно, словно задыхался от спертого воздуха.

– Почему вы искали встречи со мной? – потребовал он ответа, вновь повернувшись к преподобному джентльмену.

– Видите ли, всему виной чистейшая случайность...

– Это всегда так! – с загадочной улыбкой ответил эль-Рами.

– На днях я был у леди Мелторп и поведал ей о своем затруднении. Она рассказала мне о вас и уверила, что уж вы-то сможете развеять мои сомнения...

– Отнюдь. Я слишком занят развеиванием своих, – отрезал эль-Рами.

Священник пораженно взглянул на него:

– Боже мой! Исходя из слов ее светлости, я заключил, что вы уверены, так сказать, научно...

– Уверен в чем? – перебил эль-Рами. – В самом себе? Уверяю вас, в мире нет ничего более неопределенного, чем мое настроение. В других? Я не знаток человеческих прихотей. В жизни или в смерти? Ни в том ни в другом. Я лишь пытаюсь доказать существование той самой «неизвестности после смерти». Но я ни в чем не уверен и ни во что не верю, пока не увижу доказательств.

– Но позвольте вам сообщить, – с жаром заговорил мистер Эйнстер, – вы производите на ваших собеседников совершенно иное впечатление! Вовсе не такое, о котором сейчас толкуете. Например, леди Мелторп...

– Леди Мелторп верит в то, что угодно ее светлости, – тихо сказал эль-Рами. – Как и все милые, чувствительные, не лишённые воображения дамы. Этим и объясняется колоссальный

успех католичества среди женщин. Это изящная, приятная, утешающая религия. Более того, она действительно им подходит – женщина с четками в руке или со старинным молитвенником очаровательна и знает об этом. Леди Мелторп верит в идеалы. Что ж, в идеалах нет ничего дурного. Пусть она как можно дольше останется им привержена.

– Но леди Мелторп утверждает, что вы видите прошлое и будущее, – не унимался священнослужитель. – И что вы знаете настоящее. Если это так, то вы, несомненно, обладаете даром провидения?

Эль-Рами пристально посмотрел на викария.

– Я могу рассказать ваше прошлое, – сказал он. – И вижу ваше настоящее. Из этих двух звеньев вашей жизни я могу рассчитать последнее, недостающее – Будущее. Однако мои вычисления могут оказаться неверными. Неверными в отношении грядущих событий. Но касательно прошлого и настоящего я никогда не ошибаюсь, ибо есть закон природы, в соответствии с которым вы непременно мне откроетесь.

Преподобный Фрэнсис Эйнстер беспокойно заерзал в кресле, но сумел придать своему лицу должное выражение вежливого удивления.

– Этот закон природы, – продолжал эль-Рами, кладя руку на звездный глобус, – существует со времен сотворения человека, но мы лишь теперь начинаем его открывать, а вернее, открывать заново, так как он был довольно хорошо известен жрецам в Древнем Египте.

Взгляните на эту сферу. – И эль-Рами медленно повернул глобус. – Она представляет собой изображение неба нашей Солнечной системы. А один старинный персидский поэт в нескольких гениальных строках заявил, что солнечные системы, взятые все вместе, можно сравнить с мозгом небес, а звезды – с разумными движущимися молекулами. Дерзновенная мысль, которую узколобые критики сочли бы надуманной, но она послужит иллюстрацией моих слов. Если взять *небесный мозг* в качестве символа, становится очевидно, что мы – ничтожное человечество – несмотря на смехотворную малость и несовершенство, в состоянии раскрыть некоторые тайны этого изобилующего звездами разума и даже создаем модели его движущихся молекул.

Эль-Рами снова тронул глобус и продолжил:

– Мы наблюдаем за строем мысли этого разума и рассчитываем время восхода и заката определенных планет. И хоть мы не в силах увидеть его действия, но можем уловить вибрации его света, и притом до такой поразительной степени, что способны сфотографировать луну Нептуна, которая остается незримой для глаза даже с помощью телескопа. Вы не возьмете в толк, к чему я веду? Видите ли, я говорю о вибрациях света, испускаемых *небесным мозгом*, – вибрациях, существование которых мы знаем и доказываем посредством фотографии. И поскольку мы видим результаты на снимках, то верим им. Однако во Вселенной есть и другие вибрации, которые невозможно сфотографировать, – те, что испускает человеческий мозг. Подобно вибрациям *небесного мозга*, они полны света и огня и передают явственные образы, или цепочки, мыслей. Люди говорят о «передаче мыслей» от одного субъекта другому, словно об удивительном совпадении, но остановить передачу мыслей нельзя – она витает в воздухе, как полезные и вредоносные микробы, и ничто не может ее уничтожить.

– Я не совсем понимаю, – растерянно пробормотал священник.

– А, вы желаете практической демонстрации того, что кажется лишь сухой теорией? Нет ничего проще!

Вернувшись за стол, эль-Рами вперил в посетителя внимательные черные глаза.

– Подобно тому как звезды составляют определенные узоры на небе, образуя созвездие Лиры или Ориона, так и наш мозг усеян картинками, или снимками, прошлого и настоящего. Все ваше прошлое, каждая его сцена запечатлена в особых частицах мозга, расположенных в различных клетках. О каких-то событиях вы давно позабыли, но они бы тотчас вспыхнули в памяти, если бы вы тонули или были бы казнены через повешение. Ибо нехватка воздуха

заставит каждый бесконечно малый атом серого вещества на мгновение проявить себя с чрезвычайной силой. Разумеется, нынешнее существование – самая яркая для вас картина. В таком случае не угодно ли вам, чтобы я начал именно с него?

– Начал? Но как? – изумленно спросил мистер Эйнстер.

– Позвольте мне передать отпечаток вашего мозга на мой собственный. Все довольно просто и вполне научно. Считайте себя фотографическим негативом, а меня – светочувствительной бумагой, принимающей изображение. Возможно, я покажу вам смазанную картину, но полагаю, это маловероятно. Впрочем, если вы хотите что-нибудь от меня скрыть, то не советую затевать эксперимент.

– Право, сэр, это весьма необычно! Я теряюсь в догадках...

– О, я вам все объясню, – слегка улыбнулся эль-Рами. – Здесь нет никакой магии, никаких фокусов, ничего, кроме наипростейшей, элементарной науки. Попробуете? Или предпочтете оставить этот вопрос? Моя демонстрация не убедит вас в существовании загробной жизни, о котором вы заговорили со мной в самом начале, она лишь покажет физиологические явления, окружающие ваше нынешнее устройство и состояние.

Преподобный Фрэнсис Эйнстер колебался. Он был поражен тем, как хладнокровно и убедительно говорил эль-Рами, однако не верил его словам, и собственное неверие подталкивало викария согласиться на «эксперимент», чем бы это ни оказалось. Без сомнений, эксперимент будет сплошным надувательством – этот уроженец Востока ничего о нем не может знать, раньше никогда его не видел, а следовательно, совершенно не в курсе его личной жизни и дел. Поразмыслив над этим пару мгновений, священник поднял голову и улыбнулся.

– С большим интересом и удовольствием принимаю ваше предложение, – сказал он. – Мне действительно любопытно. Что касается нынешней картины, или фотографического снимка, моего мозга, полагаю, вы лишь увидите мою растерянность в связи с ситуацией с эпископом, сомнения, одолевающие мой разум...

– Или совесть, – подсказал эль-Рами. – Вы упомянули, что это вопрос совести.

– Совершенно верно! Совершенно верно! Ведь совесть – самый мощный двигатель человеческих поступков, господин эль-Рами! Это воистину глас Божий!

– Все зависит от того, что он говорит и как мы его слышим, – сухо заметил эль-Рами. – Итак, если мы начинаем демонстрацию, положите свою левую руку сюда, на мою левую руку. Ваша ладонь должна плотно прижаться к моей. Да, вот так. Пожалуйста, обратите внимание: пальцы моей левой руки сжимают запястье вашей левой руки, напрямую касаются нервов и артерий, проходящих через ваше сердце от мозга. Таким образом, вы, пользуясь моим прежним сравнением, прижимаете меня, светочувствительную бумагу, к вашему фотографическому негативу, и мы, несомненно, получим четкий отпечаток. Однако, дабы предотвратить прерывание мозговой волны, устремленной от вас ко мне, мы добавим вот этот пустяк. – Тут он ловко накинул стальной браслет на их с Эйнстером руки, лежащие сцепленными на столе, и защелкнул замок. – Нечто вроде наручника, как изволите видеть. Он совершенно не имеет отношения к нашему эксперименту. Наручник здесь по одной простой причине – он не позволит вам выдернуть свою руку из моей, что будет вашим естественным порывом, если я вдруг произнесу что-нибудь неприятно правдивое. Выдернув руку, вы, разумеется, разорвете незримую нить между нами. Итак, вы готовы?

Священник побледнел. Эль-Рами, казалось, был настолько уверен в результате необычного эксперимента, что это слегка задело викария. Но, согласившись на испытание, священник чувствовал себя обязанным пройти его до конца, поэтому нервно кивнул в знак согласия.

Эль-Рами прикрыл свои сверкающие глаза и на пару минут застыл в молчании. Преподобного Фрэнсиса Эйнстера начало одолевало странное беспокойство: он попытался думать о чем-нибудь нелепом и как можно более отвлеченном, но все было тщетно – его личность, его

жизнь, его тайные устремления вдруг навалились на него тяжким бременем. В запястье словно вонзились раскаленные иглы. Руку, прикованную к руке эль-Рами, жгло, будто пламенем.

Эль-Рами, не открывая глаз, заговорил тихим голосом:

– Смутный образ женщины. Темноволосая, кареглазая. Красива, обольстительна, но яростна, безудержна, подвержена резкой смене настроения. Легкомысленна, но физически привлекательна. Она завладела вашими мыслями.

По телу священника пробежала дрожь. Если б только он мог выдернуть руку, то непременно бы это сделал.

– Она не ваша жена, – продолжал эль-Рами. – Это супруга вашего весьма богатого соседа. У вас есть жена, она инвалид. А еще у вас восемь детей, но сейчас они не выделяются на картине. Центральная фигура – темноволосая темноглазая дама. Ваши мысли устремлены к ней...

Эль-Рами умолк, и несчастный мистер Эйнстер снова вздрогнул.

– Погодите! – вдруг оживленно воскликнул эль-Рами. – Теперь я вижу отчетливо! Вы решили покинуть Церковь, но не потому, что не верите в загробную жизнь – в это вы никогда не верили, – а потому, что хотите избавиться от всякой ответственности, которую налагает мораль и сан. Ваша задумка совершенно очевидна. Прикрывшись перед руководством «вопросом совести», вы откажетесь от своего прихода, бросите жену и детей и уедете из страны в компании той женщины, ведь вы ее тайный любовник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.